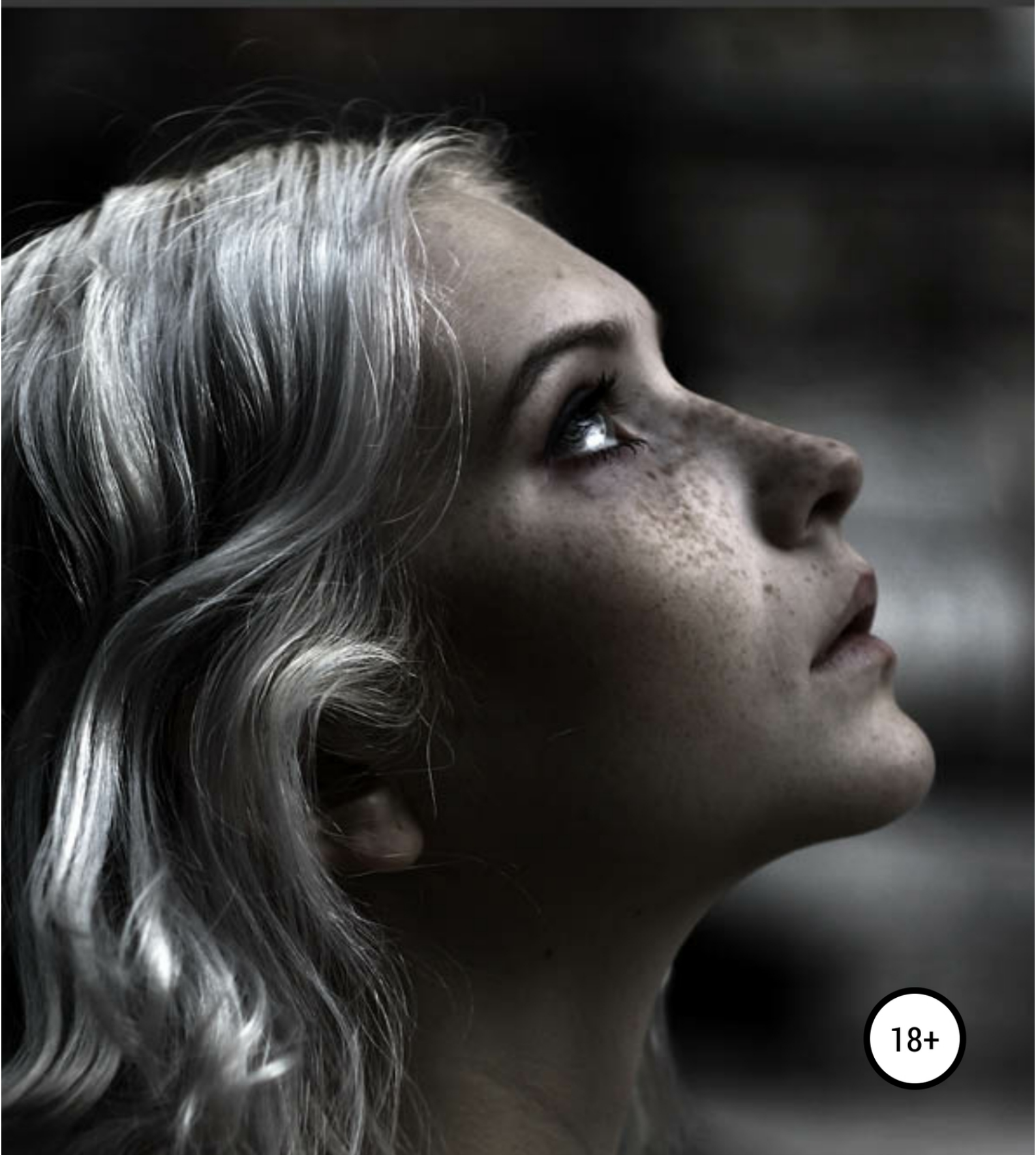

Просроченная

Анастасия Кит

18+

Анастасия Кит

Просроченная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кит А.

Просроченная / А. Кит — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Кто-то зарабатывает деньги умом, кто-то силой, а она телом. Она считает, что клиент всегда прав. Она считает, что без отношений жизнь лучше. Она никогда не имела отношений с клиентами. Но что же с Нилу случилось в этот раз?

© Кит А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

– Мистер Титчер скоро придет, – в комнату постучалась администратор и улыбнулась. Я подтягиваю с мыса на колено чулок и благодарю ее за то, что сказала. Она всегда добра к нам всем. Женщина сорока пять лет, не замужем и никогда не имела длительных отношений. Мне было ее жаль, но лишь тогда, когда я не была одета в яркое неглиже с белыми чулками. Когда после работы собиралась уходить, она всегда ждала меня, последнюю. И по дороге до троллейбуса ее разговоры вились вокруг новой булочной за углом или же старого, но безумно интересного детективного романа. Всех наших бесов мы оставляли за дверью, когда ее закрывали на ключ. Все наши лишние глаза.

Клиенты были разнообразными. В основном, это были мужчины около пятидесяти лет. Почти всегда статные, приходили с букетами или дорогими украшениями. Я уже становилась для них любовницей, а не просто девочкой на одну ночь. Они улыбались, когда видели, что я еще не надела пояс и подтяжки, и просили остаться в таком виде.

Желание клиента для нас – всегда закон.

Мистер Анкус Титчер был немного моложе постоянных клиентов. Ему было тридцать пять, о чем он сказал лишь после пятого или седьмого нашего «свидания». Я посмотрела на него и спросила, сама того от себя не ожидая: «А какая потребность в девушке на одну ночь?». И он не дал ответа. Он улыбнулся и сказал, что это не входит в мои обязанности. Но позже Мистер Титчер сказал, что у него не ладится с девушками с подросткового возраста, а потребности все-таки есть. Я бы не сказала, что он мастер в этом деле, но и не любить его за быстроту, чрезмерно яркий запах тела или волосистой покров его не могли. Он был во всем абсолютно нормальным.

В дверь постучались и открыли. Анкус зашел в комнату и снял с себя толстовку на молнии.

– Аннабель, доброго вечера, – он не присаживается сразу на кровать. Он ждет, пока с ним заговорю.

– Добрый вечер, мистер Титчер.

– Как ты? Как клиенты?

– Все хорошо, мистер Титчер. Выдающихся клиентов не было, – я улыбаюсь ему, а он присаживается и обнимает меня. Его объятия всегда были очень слабыми, будто он боялся сломать меня. Он целует мне шею, плечи, стягивая с меня тонкую кружевную кофточку. Его руки еле касаются моего тела, тонкие пальцы ласкают мои.

– Встань, пожалуйста, – Анкус всегда платил за два часа. Первый час он нежно и трепетно целовал все мое тело, все складки, все потаённости. Следующий час был самым робким сексом, которым мне доводилось заниматься с клиентами. Я почти никогда не была сверху. Он входил в меня в миссионерской позиции всегда. И все полчаса фрикций он целовал меня. Целовал в губы, щеки. Он занимался купленной любовью. Любовью за деньги, но никак не сексом.

Я встаю по его приказанию. Анкус смотрит на мое тело, обнимая за бедра и вдыхая. Мужчина снимает с меня тонкое белое платице и целует груди. Он утопает в поцелуях, нежных и ласковых, опускаясь ниже, к тонким, еле заметным трусикам. Они тоже уже сняты.

Разные клиенты предпочитают разные интимные стрижки. Ради некоторых можно две недели не бриться, и тогда они получают самое сильное удовольствие. Кто-то просит все сбивать. Все это делается заранее, чтобы точно знать, как угодить клиенту.

Титчер предпочитал полностью все без волос.

Он долгое время ласкает меня языком, даже спрашивает, готова ли я, узнавая мою степень возбуждения. Никто, кроме него, не бывает настолько нежным. Для клиента я должна быть готова всегда, имея на комод лубрикант.

Титчер сам берет его и смазывает мой вход и клитор. Затем надевает презерватив, его тоже обильно смазывает и входит, сперва поглаживая меня членом. С Титчером мне не приходится по-актерски стонать, потому что наш секс с ним всегда обрамлялся тихой музыкой на

фоне, такой же протяжной, как и его фрикции. Он входит, целует меня, выходит. Он продолжает так, иногда начиная двигаться быстрее. Я лишь томно дышу и хватаюсь за его спину.

Когда он кончает, он обязательно спрашивает было ли мне хорошо. Он спрашивает во время секса раз пять статично о моем удовлетворении. Я улыбаюсь и говорю, что он отличный любовник.

Я лежу на кровати. Все еще обнаженная, но уже не так сильно привлекающая его. Ангус одевается.

– Аннабель если бы ты только знала, как мне приятно находиться с тобой, – он застегивает молнию на толстовке и присаживается ко мне. – Иногда я представляю, что ты встречаешься со мной. И что просто у тебя тяжелая работа, требующая частых отъездов, – он пальцами проводит по моей щеке, затем целует. – Мне бы так хотелось пригласить тебя куда-нибудь.

– Клиенты – это клиенты, – тихо шепчу я. – Подойди ты ко мне на улице и не знай я тебя, я бы согласилась на любую забегаловку, – я улыбаюсь, вторя ему. – Но не сейчас.

– Я хожу на другие свидания, – он протирает глаза руками, – но они либо не хотят продолжать общение, либо просто до безумия скучны и вульгарны.

Я смеюсь от слова «вульгарны» и встаю.

– Деньги отдашь администратору, как обычно, – я накидываю теплый халат и иду в ванную, включая воду в душе. Повернувшись обратно, я ожидаю увидеть, что Титчер уже ушел, но он стоит и держит в руке белый шоколад с орехами.

– Просто маленький презент, – он ухмыляется.

– Спасибо, мистер Титчер, – я целую его в губы в момент, когда телефон начинает тихо мурлыкать о законченном времени.

– Спасибо, Аннабель.

Он выходит из комнаты, а я иду в душ. Там, сняв с себя халат, я недолго осматриваю покрасневшие щеки в зеркале и принимаюсь за мытье тела. Будто смывая с себя эти воспоминания, из душа я выхожу бодрая и свободная от лишних мыслей. Администратор стучит в комнату и заходит.

– Да, Хлоя? – зову я ее, вытирая волосы полотенцем.

– Он дал больше обычного, вы меняли условия?

– Нет, все было, как и всегда.

– Видимо сегодня ты была очень хороша, – она смеется. – И шоколадку оставил. Да ты просто..

– Хлоя, без лишних домыслов, – я кидаю полотенце на кровать. – Еще кто-то есть?

– Нет, на сегодня у тебя все. Можешь собираться.

– Отлично, спасибо, – я улыбаюсь администратору и вытаскиваю свой рюкзак из комода.

– Не забудь взять деньги у стойки.

– Такое не забудешь, – мы вместе смеемся.

Я беру деньги и улыбаюсь Хлое.

– Кто-нибудь еще остался?

Женщина смотрит в экран.

– Нет, ты как всегда последняя, – она выключает компьютер и берет сумку. – И почему Ангус приходит последним всегда?

– Работа, может, – пожимаю я плечами. У нас совершенно не принято обсуждать то, какими были наши клиенты. Мы никогда не обсуждали размеры их членов, то, как они вели себя в постели. По нашей одежде всегда было понятно и без слов, каким сексом мы будем заниматься. Если я надела ярко-красный корсет с черными вставками, значит, что еще немного и придет Джордж Марвин. Это значит, что я достану высокие ботфорты черного цвета. Это значит, что будет жесткий секс, который продлится не больше получаса. Все свои предпочтения клиенты заранее обговаривают со мной. Я говорю, что я могу позволить сделать со мной.

В роли сабмиссив выступать мне неохотно, а быть доминатрикс я никогда бы не предпочла из-за своего слабого характера.

Девушки-бабочки знали друг о друге совсем немного. В целом, мы предпочитали не общаться. Мы не знаем, чем кто занимается за своими дверьми. В доме нас всего около пятнадцати. И о других девушках я знала только то, что у всех них выдуманные имена.

Мы не знали, кто занимается БДСМ, потому что на лицах нет табличек, вроде: «избиваю мужчин и наступаю каблуком на мошонку». Мы не знали, есть ли у нас здесь любители копро или золотого дождя. Все это могла знать только Хлоя, потому что цены на все сильно разнились.

За час с мужчиной я зарабатывала около ста пятидесяти евро. Иногда больше, в зависимости от его просьб. За анальный секс я всегда просила надбавку в виде сорока-шестидесяти евро. Если мужчина предпочитал только оральные ласки, то брала с него девяносто.

– Он такой робкий всегда, – она улыбается и смотрит на мою реакцию. – В постели, наверное, точно такой же аккуратный, как и тогда, когда достает свои деньги.

И мы выходим из дома. Дверь захлопывается, а Хлоя меняется в лице, становится безумно уставшей.

– Дома собака ждет, бедная. Придется завтра рано утром встать, чтобы прогуляться с ней.

– Какая у тебя собака?

– Бультерьер. Совсем малышка. Марджери.

– Красивое имя.

– Подглядела его у одной из наших девочек, – она ухмыляется. – У вас всех имена такие скучные на самом деле, а выдаете прямо если не цветок, то точно королевскую особу.

– Марджери как на самом деле зовут? – спрашиваю я с небольшим интересом.

– Джей, – женщина всматривается вдаль, выглядывая последний троллейбус.

– Как все просто, – я достаю свой проездной, заведя свет фар. На проездном красуется мои настоящие имя и фамилия.

– Недолго ждали.

В тишине мы едем до конечной. Хлоя выходит из троллейбуса и спрашивает.

– Ты столько денег зарабатываешь, а все еще не хочешь купить себе машину.

– Хлоя, хватит считать чужие деньги, – я смеюсь. – Ты с наших денег тоже нехилый процент имеешь вообще-то.

– Это не так важно. Самое важное было – подколоть тебя, – она стучит мне по носу и улыбается. – До завтра.

– До завтра.

Я иду к своему дому. Достав ключи, быстро открываю дверь и поднимаюсь на четвертый этаж. Моя квартира уже ждет меня.

Я захожу в квартиру и осматриваюсь. Меня не бывает здесь только по вечерам, но как же приятно снова оказаться здесь. Я раздеваюсь, принимаю еще раз душ и ложусь на кровать, доставая ноутбук.

Меня потянуло зайти на наш сайт.

Сайт не был каким-то вычурно-розовым, где мы описывали все то, что можем делать. На нем были просто наши имена и номера телефонов. Клиенты частенько звонили сперва нам, узнавая как раз то, чем мы занимаемся. Если только они не просили чего-то за пределами. Тогда все переговоры шли с Хлоей и лишь потом с определенной девушкой. Я переключаю вкладку и начинаю смотреть сериал.

В коридоре вибрирует телефон. Лениво потянувшись и прикинув, нужно ли мне проверить, кто пишет, я все-таки встаю и беру телефон. Незнакомый номер.

– Привет, Аннабель, извини, пожалуйста, что я так неожиданно написал, просто сегодняшняя наша встреча, она не дает мне покоя. Я хочу, чтобы мы встретились в обычной обстановке. Я хочу пригласить тебя в кафе или ресторан. Ты чудесная. Ангус.

Я тихо вздыхаю.

– Здравствуй, Ангус. Я не могу встречаться с клиентами. Это против моих личных соображений.

– А ты можешь говорить с ними через экран своего смартфона?

– Ангус, клиенты – это клиенты. Не нужно путать ваше удовольствие с вашей настоящей жизнью.

– Если я скажу, что ты – уже часть моей жизни?

– Я ни за что не поверю в это. Если хочешь со мной увидеться, ты знаешь сумму, по которой я могу в непринужденной обстановке поговорить.

– Тогда какое время завтра свободно?

– Одиннадцать часов вечера. Два часа. Как обычно?

– Пожалуй. Извини за этот разговор.

Я не отвечаю на последнее его смс. Захожу в переписку с Хлоей и пишу.

– Завтра одиннадцать часов вечера. Ангус.

– Ты просто бомба, милочка!

– Или он недалекий романтик.

Я засыпаю, не желая видеть завтрашний день.

Я проснулась в три часа дня. Это было обыденно для меня, потому что засыпала я около четырех часов утра. Мой кот ластится об руку и мурлычет.

– Дастин, – я чешу его и встаю. Рассчитав, сколько времени мне понадобится до того, как уйти, я готовлю легкий завтрак, пара листьев салата, два отварных яйца и сыр. Все это я перемешиваю в незамысловатый салат и ем. Я смотрю в телефоне время во сколько приходят клиенты. Их было всего трое. Тревор, Паркер и Ангус. Все расположились с пяти часов вечера. Собравшись, я ухожу из квартиры.

Я вхожу в дом. Хлоя сидит за стойкой.

– Добрый вечер, Нил, – женщина улыбается. – Тревор будет в пять.

– Да, я помню. Зови меня по имени, которое написано на нашем сайте.

Я прохожу в свою комнату и захлопываю дверь.

Тревор занимался со мной анальным сексом. Он очень любил ласкать мой анус, иногда переходя языком на клитор, а после просил мне драть ему и попутно вставлял мне два пальца в анус. Так он пытался его размять и растянуть. Я каждый раз показываю ему на лубрикант, и он берет его.

Я жду Тревора после того, как сделала клизму и достала необходимую смазку. Он заходит в комнату.

Это был высокий полноватый мужчина. Ему было слегка за пятьдесят, с женой расстался и, в общем-то, больше он мне ничего не говорил.

– Добрый вечер, Аннабель, – он снимает пиджак и присаживается, ожидая, пока я встану на четвереньки. Я выгибаю спину.

Его штаны со звоном падают на пол. Он остается обнаженным.

Язык Тревора ласкает меня. Я постанываю, может, слегка наигранно, но ему это нравится. В ход идут его пальцы, он массирует клитор, пока язык лижет анус.

Все предельно просто, как по сценарию. Мы занимаемся анальным сексом, всегда в презервативах. Он заканчивает и уходит.

Все мои клиенты никогда не жаловались на меня. Я делала все строго по их указаниям. По тому, как она просили или просят.

Паркер приходит с букетом. Ему пятьдесят пять. Он не был одинок, за все время, что он приходил сюда, он сменил где-то пять девушек, при этом еще и имея трех «настоящих» за

пределами нашего дома. Он был каким-то бизнесменом, но очень не любил говорить о своей работе. Он приходил всегда с цветами и благодарил за подаренную встречу. Он был иностранец. Взрослый англичанин.

Он любил классику. Я почти всегда была в бордовом эротическом раздельном белье. На моих ногах черные чулки в сеточку, волосы завиты в красивые локоны, а на губах алая помада. Он всегда смеялся с моего макияжа, потому что не понимал, для чего краситься, если все равно потом придется это смыть. Я тихо вторила ему смехом и раздевала мужчину.

Одним из его условий был запрет на поцелуи.

– Погода просто жуть, – он снимает свое пальто и вешает его. – Ох, Аннабель, – завидев меня в новом белье, на его лице появляется приятная улыбка, – для чего только ты так вырываешься. У меня все равно зрение плохое, – он смеется и подходит, – вижу я только очень-очень близко.

Он обнимает меня и попутно расстегивает лифчик. Я почти целую его, но вспоминаю о запрете. Он, замечая это, слегка хмурится, но продолжает раздевать. Я остаюсь в чулках.

Паркер ложится на кровать и выжидающе смотрит на меня, когда я подойду к нему. Его член, на мое негодование, стоял всегда прямо и безотказно. И он был большим. Паркер внизу был просто громадным, по сравнению с его худощавым телом. Впервые увидев, я немного опешила, не зная, что делать с ним. Но потом, как и все, приноровилась, привыкла, терплю.

Я раздеваю мужчину и сажусь сверху, проводя от подбородка до паха одним пальчиком. Он закидывает голову.

Его член проникает в меня. Я двигаюсь на нем, мои бедра ускоряются. Паркер стонет. От быстроты движений моя смазка выделяется и начинает размазываться по мужскому паху.

Он кончает в тот же момент, когда я слезаю с его члена.

Паркер одевается, выбрасывая презерватив в мусорное ведро, и уходит.

Мне остается ждать Ангуса.

Я сижу и жду его, молясь, чтобы он не устроил какой-нибудь фарс в виде «ты выйдешь за меня замуж?». Бре-е-ед.

Ангуса было немного жаль. Мне стало казаться, что он влюблен в меня. Этой чистой мальчишеской любовью, о которой пишут поэты в своих стихах. Я не люблю стихи. Никогда не находила рифмованные бессмысленно слова чем-то романтическим или приятным. Бредовые истории, в которых лишь одна на миллион – правда.

Дверь открывается, а за ней стоит Ангус. Он принес одну единственную высокую розу, бутон которой еще не расцвел. Он улыбается и подает его мне. Я усмехаюсь и отношу цветок в ванную. Роза необычайно приятно пахнет, ее аромат разносится по маленькой комнате.

Ангус сидит и ждет меня у кровати.

– Доброго вечера, Аннабель.

– Здравствуй, Ангус, – я подхожу ближе к мужчине и целую его.

– Простите меня за эти смс, я немного был настойчив, я... – мужчина на ходу ищет оправдания себе. – Я не находил себе места, мне так хотелось с Вами увидеться. – Его губы целуют мою шею. – Я могу заплатить Вам, чтобы сходить с Вами в ресторан?

– Ангус, это против моих личных убеждений. Если Вы влюбились в меня, то, послушайте совет, никогда не приходите сюда. Чем больше Вы будете видеть меня, тем больше будут Ваши чувства.

– Я просто хочу узнать вас ближе, Аннабель. Я хочу знать о том, что Вы любите, как Вы любите. Я хочу быть самым запоминающимся любовником, Аннабель.

– Мистер Титчер, у людей, подобным мне, бывают запоминающиеся любовники? Вы думаете, вы единственный, кто хотел общения со мной?

Ангус молчит, но потом будто срывается. Он схватывает меня и переворачивает на живот, приподнимая ноги. По оголенным бедрам он больно шлепает ладонью. И я понимаю

его. Ангус хочет, чтобы он запомнился для меня тем самым лучшим мужчиной. Только вот, нет их. Лучших.

У меня никогда не было самого лучшего секса. У меня был нежный, странный, грубый, неуклюжий секс. Но никогда не было самого.

Мой первый секс был в музыкальной школе. Я занималась фортепиано пять лет, и на шестой терпение наблюдать за красивыми и тонкими пальцами своего преподавателя лопнуло. Я всегда считала, что он относился ко мне чуть более мягко, чем к остальным ученикам. По несколько раз заставлял играть одну и ту же композицию, хотя я и знала ее на отлично. Мои пальцы скользили по клавишам, а он не унимался. В один вечер, когда все разошлись, я решила остаться и проследить за его действиями в одной очень компрометирующей ситуации. Обычной компрометирующей ситуации. «Упавший карандаш». Я любила это делать перед парнями в школе, а потом колледже. Обычный карандаш, который целый день прослужил мне для подчеркивания и написания нот. Я смотрю на своего преподавателя, смотрю на его джинсы, туго обтягивающие бедра, и карандаш сам падает. На мне была обтягивающая юбка-карандаш и во мне были пятьдесят пять килограмм страстной натуры. Я наклоняюсь за «упавшим карандашом». И он замечает. Он замечает шестнадцатилетнюю девушку, использующую заводящий маневр «упавший карандаш». Он поднимает мне его.

– Забылись? – мужчина отдает мне карандаш, и я убираю его в сумку.

– Совсем все из головы вылетает, Мистер Вальт. У вас новые штаны?

– Да, недавно купил в Левайс. Одни из немногих, кто делает хорошие джинсы. Тебе нравятся? – он осматривает свои джинсы и возвращает взгляд на меня. На мои ноги в обтягивающей юбке. – Не рано носить такую официальную одежду?

– А я не чувствую себя на шестнадцать, – я улыбаюсь ему и присаживаюсь за рояль. Учили играть нас именно на нем.

– Сыграешь мне?

– А, может, вы сыграете? Уже столько лет учусь, но никогда не слышала полных произведений от ваших рук, – мои глаза осматривают его тонкие венистые руки.

– Время уже позднее, да и я не думаю, что.. – мужчина замечает мою блузку, расстегнутую совсем немного, но настолько, чтобы видеть окантовку бордового кружевного бра. – Что вам нужны какие-то потуги недомузыканта.

– Разве что я сама не далека от него и плывем мы с ним в одной лодке? – я привстаю. Мужчина смотрит на мою грудь, слегка облизывается, еле заметно.

– Разве я так плохо тебя учил? – он подходит ближе ко мне и берет за талию. Я не играю с ним в пойманную жертву, ведь жертвой и обедом искушения стал здесь именно он.

– Может, у вас есть идея, как научить меня чему-то более интересному? – я целую его за ухом, поцелуи продлеваю до шеи и его рубашки.

Рубашка и блузка остаются на стуле. Его взгляд утопает в моем бюсте и отлично подобранном по фигуре бра. Он притягивает меня к музыкальному инструменту.

Это можно сравнить с футбольным мячом в свои же ворота. Музыкант, трахнувший девушку на своем любимом инструменте.

Он снимает с меня юбку. Его руки лезут ко мне. К моей плоти.

– Ты уже такая влажная, – он водит пальцами вокруг входа, а затем, подняв руку, облизывает их. – У тебя был кто-то до меня?

Я пытаюсь расстегнуть с него штаны, когда он ставит меня на колени перед собой. Его член освобождается. Я беру его в рот, солоноватый вкус остается в моей памяти. Его член был тонким и аккуратным. Даже неуклюжей девственнице было удобно его сосать.

– Кто был твоим первым? – на этих словах я встаю и пытаюсь запрыгнуть на рояль.

– Надеюсь, будете Вы, – я снимаю трусики и бросаю их на пол.

Мужчина подходит, хорошо сплевывает на руку и смазывает член. У него не было резинки.

Резким толчком он вошел и порвал меня. Нет, крови не было. Он будто порвал во мне то, что сидело уже давно. Какую-то звериную похоть, страсть. Любовь к мужчинам. Всего лишь один толчок, но он был для меня прыжком в утопию страсти.

Он трахал меня долго и страстно. У меня почти не было боли, а если и была, то только от частоты фрикций.

Мой преподаватель кончил, когда вышел из меня. Он нежно поцеловал меня в лоб и прошептал что-то похожее на: «ты золотце». Он говорил так каждому ребенку, который справлялся с его заданиями.

Я собралась, поцеловала его и ушла.

На следующий день его не было на занятиях. И через неделю. После я узнала, что он ушел по собственному желанию, ничем не аргументируя. Я ушла через месяц, потому что мне это было уже не нужно.

Ангус перестал заниматься со мной сексом через полчаса, когда кончил. Когда кончил в меня и понял это по тому, что на нем не болтается презерватив.

– Аннабель, прости, боже, что я натворил, – он присаживается и смотрит на меня.

– Я не больна половыми инфекциями. И я принимаю противозачаточные таблетки.

– О, как хорошо, – он обнимает меня. – Извини, я не хотел быть таким грубым, просто... Мне так хотелось запомниться тебе именно тем мужчиной, который будет самым лучшим.

– Ты думаешь, что из всех парней, с кем у меня был секс, ты стал самым грубым? – я усмехаюсь. – Правда?

Меня начинает переполнять злорадство. Я понимаю, что он снял меня на два часа, но желание, чтобы он ушел прямо сейчас не покидает мою голову. Я смотрю на Ангуса, на его чистое лицо, без единой морщины. На слегка крючковатый нос и маленькие редкие веснушки. И я не понимаю, почему он с такой внешностью не нашел себе личной шлюшки. Не той, которую можно снять за деньги. А ту, с которой у него была бы любовь.

Любовь.

Я была лишена почувствовать свою любовь. Ту наивную и детскую, первые поцелуи для меня не были чем-то сокровенным. Мой первый поцелуй был в школе. В выпускном классе я поцеловалась с парнем по имени Алекс. Мы просто тусовались вместе пару недель прежде, чем это случилось. Была какая-то тусовка у него дома, куда, несомненно, была приглашена я. Мы сидели на кровати, пили. И он поцеловал меня, надеясь на большее в этот вечер. Но я была слишком трезвой для такого рода развлечений. Он целовал мои губы, шею, уши. Пытался раздеть. А я просто засмеялась и ушла.

В то же время я лишилась девственности со своим преподавателем по музыке. А на выпускном Алекс не был обделен моим вниманием, и мы с ним переспали после дискотеки в честь нашего ухода из школы.

Это было на той самой кровати, на которой он и поцеловал меня. Это был мой самый неловкий секс. Я была у него первой. Он был чертовски неловок. Первые два презерватива из упаковки он не смог надеть на свой член, один у него упал на кровать, а второй Алекс умудрился порвать. Но единственный третий нас не подвел. Алекс спросил готова ли я, я немного понежилась в его объятиях, и согласилась на секс с ним. Он думал, что он – мой первый мужчина. А я хорошо имитировала девственницу. Он даже не спросил об отсутствии крови, он поверил моим стонам, моим крикам. После секса мы лежали и курили какие-то терпкие сигареты. Он сказал, что не забудет эту ночь никогда. Я легла к нему на плечо и поцеловала, вторя его словам.

Я никогда не вспоминала о ней до сегодняшнего дня.

– Аннабель, послушайте! Давайте мы сходим с Вами в кафе. В ресторан, любое место, Аннабель. Я готов заплатить втрое больше за вечер с Вами, даже не прикасаясь к Вашей наготе. Я просто хочу побыть рядом. Посмотреть на то, какое блюдо ты бы заказала, Аннабель.

– Я ни за что не пойду против своих правил. Вы можете оставить сейчас сколько хотите денег, можете не приходить сюда больше, но никогда и ни за что я не буду встречаться с мужчинами, которые приходят и платят мне за секс, вне этого самого оплаченного времени, – я выдыхаю и сажусь на кровать.

– Я хочу лишь Вас, – он сглатывает и присаживается ко мне. – Мне ни с кем так хорошо не бывает. Ни с какой другой девушкой я даже кончить не могу.

Я не могла кончить. Вообще. У меня была уйма мужчин, но ни один не смог довести меня до оргазма. Мало кто, конечно, старался для этого, но Ангус был одним из тех немногих, кто пытался удовлетворить меня. Он платил мне деньги и делал куни добрые полчаса-час, чтобы убедиться в том, что я готова к сексу. Когда терпение было на пределе, я просто поддавалась ему бедрами, сильно стонала, и он тут же хотел войти в меня.

Когда я услышала о его проблеме, я поняла, что им движет. Ни сильные чувства, ни какие-то нежные потуги, им правила похоть. Привязанность максимально испытывать то, что ему дано.

– Почему?

– Я не знаю, – он потирает глаза. – Простите за этот вечер. Я приду через неделю, Вы не против?

– Понедельник? – только лишь сейчас я понимаю, что мне просто не нужно смотреть на него, как на того, кто готов жениться на мне. Я смотрю на него, как на человека, которым, так же, как и другими, правит похоть.

– В девять вечера. В восемь только работать заканчиваю, – он собирается. – Аннабель?

– Да?

– Какой у Вас любимый шоколад?

– Горький.

Он уходит, закрывая за собой дверь. Я встаю с кровати и чувствую, как по ногам стекает прохладная жидкость. Тихо вздохнув, я иду в ванную.

Хлоя, как обычно, ждала меня с моими деньгами.

Женщина берет свою сумочку и выходит из-за стойки.

– Он опять дал больше, чем обычно.

– Мы ничего не меняли, – я тихо вздыхаю, и мы выходим из Дома. Последний троллейбус уехал пятнадцать минут назад, из-за чего нам пришлось ехать на такси. Хлою высадили первой.

Когда я вхожу домой, меня встречает мой котик. Он трется об мои ноги, мурлыкает и мяукает. Я насыпаю ему корм, а сама иду в комнату, к ноутбуку.

– Хлоя, кто у меня завтра?

– Подожди, я только вылезла из душа.

Печатает...

– Мистеры Финдли и Уайт.

– Ты просто золотце, Хлоя! До завтра.

– Спи спокойно, Нил.

Уайт просил надевать высокие ботфорты. И больше ничего. Его увлечением был мазохизм, и каждый раз долго и со вкусом выбирал стек, которым мне приходилось бить его по лицу, телу, члену. Ручка стека была выполнена из красной искусственной кожи, а само осно-

вание из черного зажатого материала, тоже смахивающего на козам. Он просил привязывать себя к изголовью кровати, так я могла больше овладеть им.

Здесь не правила психология верхнего и нижнего. Я не унижала его. Я выполняла свою работу, а он это понимал. Между нами не было личной связи. Лишь его перверсия.

Он ни разу не входил в меня членом, но изливался каждую нашу встречу. Его возбуждало, когда я сидела у него на лице и терлась об него. Нравилось, как я касаюсь пальцами его члена. Он любил, когда я проводила стеклом по основанию члена, а потом слегка била по головке.

У него не было стоп-слов. Я знала грань, которую никогда не должна была переступить.

В этот раз он изменил свои условия, и нижней должна была оказаться я. Мы обговорили заранее все условия, я приготовила те вещи, которые он потребовал. Эти два часа стоили для него втрое дороже, чем обычно. Он взял тот же самый стек и предпочел массажную смазку. Все это ждало его на комод, когда он пришел. Я же сидела на кровати, как он и просил, полностью раздетая. Без его любимых высоких сапог.

– Здравствуйте, Мистер Уайт.

– Плотная веревка?

– Нижний ящик. Совсем забыла о ней.

Он достает толстую веревку и подходит ко мне.

– Вытяни руки.

Я слушаюсь и вытягиваю. Мужчина перевязывает мне руки, на конце завязывает грейп-вейн и тянет их вверх, к изголовью. Там незамысловатым узлом он фиксирует положение.

Терри раздевается. У него было красивое молодое тело. Слегка худощавое, но не до той степени, когда оно может не возбуждать. У него были широкий таз, узкие плечи, ключицы на которых явно выделялись сильнее остального рельефа его тела. Мой взгляд опускается на его пах. Член висит в спокойном состоянии, может, совсем малую часть в возбуждении.

Он берет стек и проводит мне по лицу. Я знаю, что он будет делать и как. Он будет делать все то же самое, что я делала с ним каждую встречу.

Моя щека горит от одного удара. Удар совсем слабый, я даже не уверена, что остался след.

Он тянет стек к груди. Обводит им вокруг сосков и немного бьет.

Я слежу за его возбуждением. Чем сильнее он бьет, тем больше становится его член. Он наливает кровью с каждым ударом по мне.

Я жмурюсь, когда он подносит стек к лицу.

Щека начинает щипать. Я запрокидываю голову, а Терри, тем временем, опускается все ниже.

Самим основанием Мистер Уайт раздвигает внешние половые губы и проводит по внутренним. Он бьет по мне там.

Мне стало казаться, что согласие на другие условия – это крайне мутная затея. Телу становится все сильнее больно, губы изнывают. Но..

Я нахожу баланс между болью и удовольствием. Он проводит стеклом вверх, задевая клитор, шлепает по нему. Он проводит еще раз. Я двигаюсь навстречу ему. Двигаюсь быстрее, находя в этом для себя удовольствие. Мужчина берет одной рукой себя за член, смотрит на меня и дрожит.

И это был мой первый оргазм. Первый оргазм в присутствии клиента. Мы кончили с Мистером Уайтом почти одновременно. Он излился на мой живот, когда я была в истоме наступающего оргазма от частых трений об кожаный стек.

Зажав губу, я лежу и жду, когда он меня развяжет. Я потираю руки, освобождаясь из оков веревки.

– Спасибо, Аннабель, – он нежно целует меня и уходит.

Я же встаю с кровати и иду в ванную. Лицо совсем немного покраснело, на теле видны еле заметные следы. Я приглядываюсь к себе. Как только дурные мысли начинают лезть в голову, тут же лезу в холодный душ. Там я смываю с себя воспоминания о первом оргазме и первом опыте нижей.

Только вот следы от стека не проходили еще пару дней.

Мистер Финдли не пришел. Он отменил нашу встречу почти перед началом. Я посмотрела на время и поняла, что я могу со спокойствием посидеть в каком-то кафе, поесть что-нибудь вкусное.

Я выхожу и сворачиваю за угол, выбирая кафе, расположенное рядом с нашим Домом. В нем обычно девушки брали кофе перед своей «работой».

Кафе ударяет меня терпким запахом кофе, таким ярким, что все желание выпить его сразу улетучивается. Я сажусь за свободный стол и начинаю листать меню, в котором разнообразия практически не было. Одни пирожные, разновидности кофе. Выбрав что-то более-менее дешевое, я заказываю и жду, когда мне принесут еду.

В кафе звенит дверь. Я дергаюсь и оборачиваюсь на шум.

Входит Ангус. Я поворачиваюсь обратно и зарываюсь лицом в волосы, пытаюсь спрятаться. Сама себя я не понимала в этом желании не попадаться, но всей душой я меньше всего хотела общаться с клиентами вне моей комнаты. Я замечаю, что шаги в мою сторону становятся громче. Стул напротив меня отодвигают, и Ангус садится.

– Аннабель, я не ожидал тебя здесь встретить, – восклицает парень и облегченно улыбается. – Позволишь заплатить за тебя?

– Да, пожалуй, – я осмеливаюсь посмотреть на него. Руки Ангуса тряслись, он медленно тянул одну ко мне, чтобы взяться за мою.

Мне приносят заказ, который с интересом рассматривает Ангус, одернув руку назад. Он смотрит на обычный круассан и терпкий кофе с таким будоражащим его интересом, будто на столе произведение искусства из лучшей кондитерской Парижа. Когда я отламываю кусочек от булочки, он протягивает мне антисептическую жидкость в маленьком ярком пузырьке.

– Я подумал, в кафе нет уборной, только для персонала, – он ставит ее на стол и дает мне время, чтобы я протерла руки. Я кладу отломанный кусочек выпечки на тарелку и беру флакончик Ангуса. Открыв его, мой нос услышал сильный запах спирта и едва заметный аромат малины. Я растерла жидкость по рукам, и от них стал исходить приятный запах малинового джема.

– Приятно пахнет, спасибо, – я ставлю его на место, а сама принимаюсь за еду. Я никогда не старалась придерживаться диете, так как сама по себе не была полной. Всегда была либо худенькой, либо нормальной. Единственные дни, когда я старалась есть поменьше – это перед встречами с Патриком или Рубеном. Эти двое мужчин страдали синдромом «чем глубже – тем приятнее». Каждый раз, приходя, они четко обозначали, что хотят горловой минет. И приходилось промывать желудок, либо не есть вообще. Тяги к горловому минету я не понимала ни у кого. Ни у тех, у кого члены были крошечными, ни у тех, чьи были средними. Мужчины с большими членами никогда не просили горловой минет. Как мне кажется, это было связано сугубо с самооценкой. Но клиент должен был всегда получать то, что он хочет. Поэтому и получалось, что мужчины с маленькими достоинствами приходили, выпячивали их у меня перед лицом и как бы всем видом показывали свою власть над ситуацией. Со временем я научилась его делать не только хорошо для мужчин, но и безболезненно и без последствий для себя. Главное в горловом минете – это наипростейшая геометрия. Угол и его градус. Если брать член под прямым углом, то получается весьма удобнее, нежели брать его снизу или сверху.

– Я так хотел с тобой поговорить отдельно от комнаты, – он смотрит на меня каким-то непонятным для меня взглядом. Он не хотел меня, он будто был заинтересован в разговоре со мной. – Расскажи, чем ты увлекаешься?

Я делаю глоток крепкого кофе и начинаю жалеть, что позволила ему сесть за мой стол.

– Ничем.

– Но ведь ты не всегда... Ну..., – он мешкается.

– Я не всегда на работе, – обрываю его на полуслове и договариваю. Ангус начинает краснеть. Он полностью заливается пунцом, даже уши и те становятся красными. – Только вот в остальное время я сплю и кормлю кота, – я не нуждалась в том, чтобы кто-то знал о моих повседневных делах. Но Ангус был слишком настойчив даже в своей нелепости. Я смотрела каждый раз на него и думала, что же можно было сделать такого, чтобы так ему запомниться. У меня было ощущение, что еще немного, и он просто влюбится в меня. Я понимала, что могла впечатлить лишь тем, что мог кончить Ангус лишь со мной. Но я не думаю, что тут было дело именно в моей красоте или привлекательности относительно его. Скорее было то, что можно назвать периодом обхаживания девушки вокруг да около. Это изматывает, и когда наконец-то получаешь то самое и заветное, оно кажется совсем не таким, как должно.

– У вас есть кот? Наверное, такой пушистый, – он сияет улыбкой, смотрит на меня. И его просто переполняет радость о новости с моим котом. – У меня аллергия на кошачью шерсть, – он грустнеет, а я понимаю, что разговор начинает набирать обороты тем, что он рассказывает какую-то свою особенность. – Аннабель, можно пригласить тебя на свидание?

– Никаких свиданий.

– Я готов заплатить сколько угодно, лишь бы ты сидела рядом и просто рассказывала о себе. Я не хочу больше платить за твоё тело деньги. Я хочу платить за время с тобой. Мне оно нужно.

Я долго обдумываю его предложение, и что-то торкает. Лишними деньги никогда не бывают.

– Сколько ты хочешь заплатить за это?

– Я оплачу ужин в ресторане, прогулку с тобой и все время, проведенное вместе, по двойной цене за каждый час.

– Ладно, – я встаю и прошу принести счет. – Ты можешь делать со мной все, что хочешь, весь сегодняшний вечер. Можешь хоть болтать без умолку или там, купить мороженое, – я смеюсь, пока он встает и оплачивает мой круассан и кофе. Он быстро перебегает ко мне и берет за руку.

Я слышу, как он с легкостью выдыхает.

Он действительно в тот день меня повел в дорогой ресторан. Там я заказала какое-то невообразимое блюдо, принесенное мне на доске для разделки мяса, такой деревянной и тяжелой. Оно было просто невозможно большим, что я попросила Ангуса доест его. Он заказал нам какие-то безалкогольные напитки, которые были, ну, очень сильно газированными. Он рассказал о своей семье, в которой вырос, будучи усыновленным. Рассказал о племяннице, что участвует в забегах на лошадях. Он рассказывало мне много чего. А я послушно слушала и молчала. Я знала цену молчанию, так как единожды была эскорт моделью для одного делового мужчины. Он брал меня на важные собеседования в дорогие пабы и всем рассказывал, как я у него красива, представляя всем свою Аннабель-жену. И тогда мне заплатили за молчание столько денег, что заткнули меня ими на весь вечер и последующий день. Даже когда он трахал меня, я не издала ни звука. Лишь молчание, скрип кровати и его сиплый голос, вторящий мое имя во время оргазма.

– Кроме кота кто у тебя есть? – внезапно задает мне вопрос Ангус, от чего я неожиданно сильно сжимаю его руку.

– Только Дастин. Я не общаюсь с родственниками уже около пяти лет.

– Столько же работаешь в Доме?

Я замялась.

– Не твое дело, сколько я работаю в Доме, извини.

После этого его интерес к моей жизни по ту сторону двери в комнате исчез. Он продолжал рассказывать о забавных случаях в своей молодости, о казусах в личной жизни. О многом. И мы пришли к его дому, куда он пригласил меня на чай.

Я понимала, что этот вечер, хоть и с натянутой улыбкой, но можно было назвать хорошим. И приятным завершением для него был бы секс. Для меня секс не играл никакой роли в плане эмоциональности, поэтому я поспешно согласилась на чай и пошла к нему.

Мы заходим к нему в квартиру, где стоит поистине мужской, холостяцкий запах. Небольшая спертость воздуха и еле уловимый запах одеколона. Запах чего-то сторовенного, грязное зеркало, старый диван и грязная кухня. Он заходит следом за мной, снимает обувь и целует меня в губы.

– Спасибо за этот вечер, – он идет на кухню, куда бегу за ним и я. – У меня нет конфет, но есть чипсы.

– Я буду просто чай, – я улыбаюсь ему и присаживаюсь на стул. На столе стоит пустая вазочка из-под конфет, куда он насыпает чипсы и берет парочку пальцами. Проживав их, он садится напротив меня, но тут чайник начинает свистеть. Ангус быстро его выключает и наливает кипятка, после чего достает пакетики с черным чаем.

– Извини, что такой дешевый.

– Я вообще редко пью чай, так что мог сказать, что он самый дорогой, – я чувствую расслабление. Не знаю уж от чего, то ли это запах чая, то ли запах всей квартиры, но я чувствую себя комфортно здесь и сейчас. В поздний вечер. На секунду я представляю, как этот вечер мог повторяться как день сурка, будь у меня здоровые полноценные отношения с мужчиной. Как мы бы приходили после работы. Я готовила бы этому мужчине. И как бы мне приносили радость его неожиданные и, может, редкие приятные сюрпризы. Только этого не было и не будет.

Я смотрю на Ангуса, который с упорством заваривает нам крепкий чай и жует чипсы с сыром.

– Чипсы с сыром и чай – неплохая затея, да? – спрашиваю я, от чего он ухмыляется.

– Не так гадко, как можно подумать. Ты не против какого-нибудь фильма?

– Я люблю фильмы. Часто смотрю их по ночам, когда прихожу домой.

– Какой любимый жанр?

– Я смотрю все подряд. Просто ищу подходящее в интернете и смотрю. Вчера я смотрела «Общество мертвых поэтов», – я улыбаюсь ему. А он искренне смеется в ответ.

– Тогда, может, пройдем в спальню? Там проектор.

Мы ушли в его спальню. Там действительно стоял небольшой проектор, разложенный диван и экран. Он позволил мне присесть первой, как кошке, которую пускают в новую квартиру, чтобы она ходила по ее комнатам и искала себе удобное место. Я сняла свитер и присела на левую сторону. Ангус обошел диван, включил проектор и присел. На экране сразу высветилось несколько фильмов в рандомном порядке, на один из которых он и щелкнул.

Я прилегла на подушку и стала смотреть фильм, держа руку на его животе. Он гладил ее, с периодичностью брал и целовал. А потом вновь коснулся моих губ.

Его поцелуи не пылали желанием. Он целовал меня с робостью, будто это его первый поцелуй и первые отношения.

Так же нежно он стягивал с меня мою майку и расстегивал мои джинсы. Он целовал мои бедра нежнее обычного, целовал лобок и будто каждую родинку на плечах. Он целовал меня всю.

Я присела на него сверху все еще в белье и поцеловала его сама. Я хотела сейчас Ангуса, как мужчину, а не как клиента. Мы целовались и ласкали друг друга очень долго, он будто заново изучал каждую мою интимность. Я впервые видела Ангуса настолько возбужденным и желающим меня.

Он вошел, когда я была сверху. Его руки обняли меня, когда я прилегла на его грудь. Движения Ангуса во мне были небыстрыми, он наслаждался каждой секундой. Ровно так же как и я. Его движения усиливались лишь тогда, когда я начинала громче стонать, когда мне по правде становилось невыносимо приятно. Мое тело выгибалось в немыслимых ощущениях, в эмоциональной страсти с ним. Я любила его этой ночью и любила так же сильно, как и он меня.

В эту ночь я испытала свой второй оргазм с мужчиной. Я испытала его от ласк его пальцев во время нашего секса.

Мы уснули сразу после секса. Ни слова после.

Я проснулась утром и посмотрела на Ангуса. Он еще спал.

Я знала, где находится его дом, и какие маршруты совершает автобус, чтобы доехать до своего дома. Быстро собравшись, я начала обуваться и заметила конверт с деньгами в моей сумке. В нем было написано: «От Ангуса». Я смотрела на него с минуту, а потом выложила из сумки и положила к нему на комод в прихожей.

Мне не нужны были его деньги за настоящее свидание.

Я беру телефон из кармана, когда он начинает вибрировать. Сообщения от Ангуса.

– Ты не взяла деньги? Мы договаривались.

Мне не удастся вздохнуть полностью. Внутри меня образовывается ком, я понимаю, что поступила глупо, теща себя каким-то детскими надеждами на то, что Ангус и я... Что это что-то большее, чем просто секс на одну ночь. Что это большее, чем любовь на одну ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.